

Однажды я стану
снегом

Ясоль

Ясоль

Однажды я стану снегом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69489442

SelfPub; 2023

Аннотация

Юки-онна, снежная ведьма, ледяная дева... Все знают, на что она способна, но откуда она пришла, никому не известно. Ретеллинг японской легенды о снежной женщине.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Храм забытых предков	7
Глава 2. Ничья невеста	16
Глава 4. Последняя воля умирающей	44
Глава 5. Маленькая девушка с хорошим аппетитом	57
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Ясоль

Однажды я стану снегом

Пролог

Говорят, любовь обогащает. На самом же деле она прожигает в груди огромную дыру, заполнить которую может только присутствующий рядом любимый человек. Арису расстался со своей девушкой всего пятнадцать минут назад, а уже готов был плакать от всепоглощающей тоски. Её опухшие от поцелуев губы так и манили, так и заставляли обращаться. Вдруг где-то среди пёстрой толпы мелькнёт тоненькая фигурка в сиреновом пальто.

Арису и сам не понял, как пришёл в сад камней на окраине Аомори.¹ Пушистый снег опускался на булыжники объёмными шапками, разросшиеся можжевеловые ветви прогнулись под тяжестью белоснежного покрывала. По поверхности крохотного озера пробежала мелкая рябь, а на перилах горбатого мостика уселся уродливый ворон с перебитым крылом. Такой одинокий, забытый всем миром и окружённый безмолвием.

Снег, цветы и луна – вот три объекта, достойные любования. Эти слова часто повторял дедушка Арису, а он знал

¹ Город на острове Хонсю

толк в жизни. Тихо угасала вечерняя заря, и бархатный сумрак перерождался в тёмную ночь. Фонари причудливо разбрасывали по саду жёлтые круги, в свете которых падающий снег переливался золотом.

Арису не удержался и, шлёпнувшись в сугроб, принялся руками и ногами рисовать снежного ангела. Как же хорошо жить! Какая нежная и чудесная зима! Перед внутренним взором вновь появилось лицо возлюбленной. Воспоминания и образы сплелись в затейливое кружево и отправились укутывать сознание. Тепло разлилось в груди, медленно опустилось в живот и ещё ниже. Арису зажмурил глаза и замер. Снежинки, выныривая из мрака, щекотали кожу и мгновенно умирали.

Внезапно воздух затвердел, так что даже дышать стало трудно. Какой-то извечный Холод сковал конечности и камнем придавил к земле. Тот Холод был точно живым, устало выдыхал ледяной туман и усыплял завыванием метели. Арису с трудом разлепил веки и испуганно ахнул. Над ним склонилась бледнолицая женщина в старинном белом кимоно. Красивая, с развевающимися волосами и дрожащими ресницами. В зрачках у неё плясали голубые льдинки, а на тонкой шее трепетал кулон в виде красного дракона.

– Ты не Казуми. Ты не мой любимый, – разочарованно произнесла она, разглядывая незнакомца.

Арису хотел было привстать, но не получилось. Казалось, он уже и сам превратился в сугроб.

– Я... Меня зовут... Гокэ Арису. Вы поможете... Помогите встать...

– Тихо-тихо... – шепнула она и обняла Арису. Её руки стали тюрьмой. На щеках замёрзли слёзы.

И вдруг Арису понял, что никуда не уйдёт. Он будет вечно любоваться этой женщиной и преклоняться перед её красотой. Вот бы дотронуться до неё, вот бы поцеловать, вот бы развязать пояс на кимоно. Пусть даже её голос темнее мрака и холоднее всех ледников в мире. Плевать!

– Я хочу быть с вами! – с восторгом сказал Арису.

– Чтобы найти Казуми, я прошла тысячи ночных дорог и даже побывала в стране мёртвых. Но ты не мой любимый! – рассердилась она идохнула смертельной стужей.

Ворон сорвался с перил и улетел в сторону шоссе. Это было слишком даже для него.

Глава 1. Храм забытых предков

Горизонт завалился. Облака подпрыгивали взбесившимися барашками. Дома, деревья и лица прохожих растекались в воздухе уродливыми пятнами. Тисья бежала так быстро, так усердно взбивала уличную пыль, что горожане испуганно шарахались в стороны.

Внезапно она споткнулась и упала на колени. Рисовые лепёшки вылетели из бамбуковой корзинки, которую Тисья прижимала к животу.

– Чтоб тебя сожрал гюки²! – резко подскочила она и задрала подол косодэ.³ Рисовые кругляшки мягко опустились на бурую ткань. Тисья похвалила себя за ловкость и понеслась дальше.

Городок Дандзё вырядился в желто-красный халат из опавших и танцующих в воздухе листьев. Вершины кедров и клёнов купались в осеннем дрожащем мареве, пронизанном лучами остывающего солнца. Зима приближалась медленно, заигрывая с горожанами: то великодушно уступала место тёплым денькам, то вдруг покрывала жухлую траву серебристым инеем. Дома с остроконечными соломенными крышами обернулись вуалью из паутины.

² Быкоподобная химера, живущая в водоёмах и прудах.

³ Одежда типа халата с короткими рукавами, предшественник кимоно.

Тисия свернула с главной улицы в переулок, где густо росли сливовые деревья. Позади остался рынок и ухоженная усадьба старейшины Цикады, окружённая кустами магнолии и можжевельника.

– Госпожа Юзуха, я принесла лепёшки! – Тисия в один прыжок преодолела крыльцо и остановилась у деревянной двери. Смахнула со лба пот и пробормотала. – Только бы не опоздать... Только бы не опоздать...

После нескольких мгновений гнетущей тишины, во время которой Тисия искусала все губы, внутри дома, словно в животе голодного исполинского животного, заурчало. Затем раздались шаркающие шаги, и в узкой полоске раздвижной двери показалось истощённое лицо старухи со стрекозиными глазами. Женщина болела уже много лет, и глаза с каждым годом становились всё более выпуклыми.

– Ты опоздала, Тисия-тян!

– Простите, госпожа. Никак не могла огонь в очаге развести.

Госпожа Юзуха вздохнула так тяжело, что дверная щель с испугом отъехала в сторону, и изломанная фигура старухи в коричневой юкате⁴ вышла из мрака.

– Мне нет дела до твоего очага! Мой муж завтракал вчерашними лепёшками. А он уже старик, и зубов у него почти не осталось. Платить я тебе не буду. Мы с тобой договаривались. Опаздываешь – чистишь мой семейный алтарь в Храме

⁴ Повседневное хлопчатобумажное кимоно без подкладки.

забытых предков.

Тисия взмолилась:

– Только не это! Лучше я приберусь у вас дома, госпожа Юзуха. Храм в запустении. Там очень холодно и страшно. Никто туда не ходит, кроме вас.

Старуха сверкнула стрекозиными глазами:

– Оттого у нас много неприятностей! Мы забыли предков, отrekliсь от своих корней, потеряли опору. Отправляйся в Храм и приберись там! А завтра приходи вовремя со свежими лепёшками. Вот тогда я тебе заплачу!

Юзуха вернулась в дом, а Тисия уселась на порог и стала бездумно жевать лепёшки. Мысли роились в голове, сталкивались и вгоняли девушку в беспросветную тоску. Крыша протекала, обувь прохудилась, огород порос сорняками. Зима приближалась, а запасов овощей и риса совсем не было. Может это проделки ками? Божества неба и земли послали испытание, которое она должна преодолеть?

– Это всё гадкая старушенция! Видите ли, у её мужа зубов не осталось. Не велика потеря! Зря только вставала на рассвете и возилась с очагом. Ладно уж! Завтра подует новый ветер, – проворчала Тисия и побрела к Храму, мрачному, полуразрушенному и уродливому, словно бородавка на чистом лице красавицы.

Дома и рынок располагались на возвышении, ниже спускались огороды и квадраты рисовых полей, а дальше росли лес да бамбуковые рощицы вплоть до самой стены, непри-

ступной и невозмутимой, которой и был отгорожен Дандзэ от внешнего мира.

Тисяя остановилась напротив добротного дома господина Такеру. Его хромоногий сын Асахи складывал в ящики дайкон. Чистил и аккуратно срезал ботву, которую потом наверняка замаринует в рисовом уксусе и кунжутном масле. Асахи заметил девушку и кивнул. Они были знакомы и в детстве вместе играли, по крайней мере до тех пор, пока десятилетний Асахи не свалился в овраг, где добывали глину, и не превратился в калеку. Тисяя тогда вдоволь поиздевалась над мальчиком, придумывая ему всё новые прозвища: «Раскаряка», «Горбун», «Хромоножка». Её мало волновали чувства других людей, а уж что-то из ряда вон выходящее и вообще выводило из себя. Спустя какое-то время она поняла, что была не права и, кажется, попросила у Асахи прощения. Кажется. Но как говорят в народе, плевков обратно не вернёшь. Тисяя поклонилась в ответ и пошла дальше.

На мшистые ступени Храма осторожно ступила осень. Прикрыла золотом листьев грязь и мусор. Когда-то храмовые стены пылали багрянцем, как клёны в одичалом саду, а теперь отталкивали древесными жуками и трухлявыми дырами. Крыша с изогнутыми кверху краями покосилась и стала пристанищем для воробьиных стай.

У подножия Храма сидела Хикэси-баба и, положив подбородок на грудь, дремала. Старуха с лисьими лапами и ост-

рыми клыками была одной из немногих ёкаев⁵, что осталась жить в Дандзё. Остальные ушли в непроходимые леса за стену. Бабушка Тисии рассказывала, что раньше Хикэси имела привычку блуждать вечерами по городу и тушить фонари, но потом обленилась и вовсе перестала выходить за границы храмового двора.

Тисия хотела незаметно проскользнуть мимо спящей старушки, но та тихонько сказала:

– Только нечестивцы входят в Храм тайком.

– Госпожа Юзуха попросила почистить семейный алтарь, – поспешно ответила Тисия и в очередной раз изумилась. Внешность Хикэси была уродлива, ещё и эти гноящиеся язвы на губах, но вот голос поражал мелодичностью. Вдохнула и пропела, не оставив себе ни крупицы воздуха, чтобы произнести хотя бы ещё одно слово.

Хикэси встала. Косодэ, перевязанное поясом, было таким широким, что низенькая фигурка ёкая казалась похожей на стожок соломы. Лисья лапка выскользнула из-под рукава и указала на Храм.

– Что ж никто не приходит? Стены прогнили, и крыша скоро рухнет.

– Некогда людям, да и не верят, что предки их слышат, – Тисия поставила корзинку на нижнюю ступень и поправила гребень на растрепавшихся волосах. Не любила, когда пряди падали на лоб.

⁵ Сверхъестественное существо японской мифологии

Хикэси-баба хмыкнула:

– Не верят они. Ха! А к орнаментам небось прикладываетесь каждый день? Корни ведь нужны не только растениям. Лишиться корней – лишиться прошлого, потерять себя и связь с миром. Ты-то веришь, что предки могут говорить с тобой?

– Не знаю, – отмахнулась от вопроса Тисия, нетерпеливо переступая с ноги на ногу. Даже во дворе Храма ей было не по себе. Скорее бы почистить алтарь и вернуться домой! Там осталось немного грибной похлёбки. Живот так и крутило от голода. – Я тут редко бываю. Кое-кого из предков видела, но они молчали. Да и я – птица невысокого полёта. Чего со мной разговаривать?

– Ты ведь повелительница времени и пространства. Чего удивляешься? Ты – это твои предки и весь твой род, а они – это ты. И тот извечный Дух, сотворивший всё кругом, живёт в тебе, а ты в нём, – Хикэси хотела ещё что-то добавить, но, заметив растерянность на лице Тисии, только обречённо застонала. – Тебе только репу сажать да сорняки вырывать. Куда уж тебе понять суть всех вещей! Простачка! Ха! Иди уже к алтарю госпожи Юзухи!

Тисия низко поклонилась и, вбежав по ступеням, распахнула тяжёлую дверь.

Давящий полумрак Храма породил призрачных химер и

чудовищ, а воображение Тисии дорисовывало недостающие элементы: превращало мышиную возню в злостный шёпот и брнчание ветра на чердаке в крадущиеся шаги.

Тисия стояла перед утопающими в темноте и паутине рядами алтарей. Пахло сыростью и прогнившим деревом. Окна давно забили панелями, так что свет проникал через узкие окошки под потолком. Тисия осторожно, словно боясь нарушить чей-то покой, добралась до третьего ряда и отсчитала восьмой алтарь – старинное сооружение из кедровых досок со множеством полочек и ящиком для щёток и тряпок. Тисия сняла с полок высохшую ветку дерева сакаки, пиалы, свитки и таблички с именами умерших. Опустилась на бамбуковую циновку и стала тщательно вычищать каждый предмет.

– Оттого у нас много неприятностей, – Тисия перекривила госпожу Юзуху. – Сама небось дома сидит, а мне в грязи ковыряться. Мы с тобой договорились... Тьфу!

Холод подобрался сзади. Провёл шершавым языком по затылку и проник под кожу. Его руки, безжалостные и цепкие, сжали плечи и сковали чувства. Напрасно Тисия куталась в своё бесполезное косодэ. Тело налилось свинцом, и приходилось стискивать зубы, которые невероятно громко стучали в пустом Храме.

– Как же холодно... как же холодно... – тряслась Тисия, щёткой смахивая пыль с алтаря. Ещё чуть-чуть, и дома её ждало одеяло. Она сама набивала его козьей шерстью в про-

шлом году, когда мама была жива... Когда мама была жива...

А Холод не отпускал. До судорог выворачивал ступни и колол кончики пальцев ледяными иголками. Издевался. Играл со своей жертвой, глупой девчонкой, бездумно ступившей на чужую территорию.

Тисия разложила таблички, расставила пиалы и вытряхнула тряпки. Вот и всё. Она уже направилась к двери, когда за спиной зазвенели колокольчики. «Не оборачивайся! Уходи!» – командовал мозг, а ноги, точно приклеенные к полу, отказывались ступить. Ещё несколько шагов – и она окажется на улице, где осеннее солнце золотит листья, где ветер, всё ещё тёплый и нежный, расчесет волосы и смахнёт пыль с одежды. Но искушение увидеть *их* победило. Тисия повернулась и от внезапной душевной боли рухнула на колени. Они стояли совсем близко и сливались бы с темнотой, если бы не едва уловимое жемчужное сияние. Молчаливые призраки смотрели прямо и не двигались. Мама, папа и брат-подросток. Навечно восьмилетняя сестра, прячась в лабиринтах рядов, появлялась редко.

– Простите меня, – заплакала Тисия, чувствуя, как гнетущее чувство вины, на время усыпленное, вновь вернулось. Они погибли, когда неведомая болезнь выкосила много горожан. Она забрала всю семью Тисии, а ею саму почему-то пощадила. Кто-то из соседей сказал тогда, что теперь нужно жить за всех их. Что за глупости? Лучше уж вовсе не жить.

– Не мучайте меня... Прошу вас... Так больно...

Однако призраки даже не шелохнулись. Смотрели, смотрели, смотрели... Красивая стройная мать, луноликий отец, улыбающийся брат. Тисяя ещё раз мысленно прокляла госпoжу Юзуху, которая направила её сюда, и давай, словно горячие угли, присыпанные пеплом, вынимать из сердца наверх свои тайные страхи и глубокую уверенность в том, что это она виновна в их смерти. Не досмотрела! Не сумела помочь! Не сберегла!

– Простите! Простите меня! – Тисяя с трудом оторвала взгляд от родителей и выползла наружу. Чумазая, на лице – грязные разводы, рот перекошен. Дневной свет на мгновение ослепил, так что мир показался одним большим и белым пятном. Холод, испугавшись солнечного блеска, отступил.

– Забираю свои слова обратно по поводу того, что ты повелительница времени и пространства, – сказала-пропела Хикэси-баба, с брезгливостью разглядывая девушку.

Глава 2. Ничья невеста

Тисия пришла в себя, когда Храм остался далеко позади. Из полусонного оцепенения её вырвали детские голоса. Ребятишки прямо на дороге играли с круглыми озёрными камешками. Тисия когда-то и сама ныряла на дно в поисках сокровищ для младшей сестры. Даже года не прошло со дня её смерти, а кажется, что пронеслась целая вечность.

Худошавый мальчик подбросил корзинку. Камни резко взмыли вверх, а затем на жухлой траве сложились в изящный узор. Дети, все как на подбор тощие и низкорослые, потараканьи рассыпались в стороны, чтобы в точности повторить этот узор. Тисия зачарованно наблюдала за игрой, однако вскоре плюхнулась на колени и сгребла камешки, сказав при этом:

– Разве это не случайность? То, как они падают? Вот так и моя жизнь! Что-то происходит, а я и не знаю почему? Боги играютя людьми, а затем кидают их во мрак и холод...

– Госпожа!

Тисия вздрогнула. Впервые к ней обратились таким образом. Госпожа! А ведь теперь она сама по себе! Взрослая.

– Госпожа, верните нам... – засмушалась малышка в дырявом халатике.

– Прости, – Тисия насыпала камешки в крохотные ладошки и с жалостью глянула на Храм. Вспомнила, что свою

корзинку оставила на ступенях, но возвращаться за ней она, конечно, не собиралась, пусть даже и под страхом встречи со злыми духами. В Дандзё испокон веков хозяйки на ночь вешали над входной дверью плетённые ящики или короба, чтобы отгонять призраков. – Продолжайте игру, ребята, а мне пора домой!

На рыночной площади обмен товарами был в самом разгаре. Урожай репы меняли на добротный отрез пеньковой ткани, из которой потом сошьют хаори⁶ и обменяют на этом самом месте на глиняную посуду или на дзори.⁷ Козы, привязанные к колышкам, жалобно кричали, в клетках кудахтали курицы. Дым стоял коромыслом, поэтому Тисия решила обогнуть рынок и миновать толпу, но наткнулась на своих соседей, сорокалетних братьев-близнецов Ёшики и Шинсу.

Почему они называли себя близнецами, никто не знал. Шинсу, высокий, неуклюжий, с блуждающим взглядом на скуластом лице, разговаривал неохотно. А вот Ёшики, плотный коротышка, подвижный и ловкий, раздражал окружающих своей непрерывной болтовнёй. Братья никогда не разлучались: жили вместе, работали вместе, и никто из них так и не обзавёлся семьёй.

– Водный цветок мой, цветущая слива, луна нежная, куда это ты так торопишься? – всплеснул пухлыми ладошками

⁶ Жакет прямого покроя без пуговиц.

⁷ Плоские сандалии без каблука из рисовой соломы, древесины или кожи.

Ёшки. – Предположим, меня, навозную кучу, сложно разглядеть, но моего братца-дылду, просто невозможно не заметить.

Тисяя поклонилась:

– Просите. Просто задумалась.

– Молоденьким и красивым девушкам опасно так много думать, – захихикал Ёшки, проигнорировав, как его брат закатил глаза и цокнул языком. – Да что с тобой такое, соседка? Ты будто в грязи ковырялась!

– Чистила алтарь в Храме, – по спине Тисии пробежался холодок, а сознание вновь окуталось страхом.

– Госпожа Юзуха отправила? – покачал головой Ёшки и вынул из рукава хаори лоскут чистой ткани. – Держи! Утрись немного. Упрямая старуха. Дался ей этот Храм. Тебя некому защитить, поэтому всякий норовит обидеть...

– Отпусти девушку! – перебил брата Шинсу, заметив, что на Тисию неодобрительно поглядывали. Ёшки закивал:

– Ну иди! На пороге своего дома найдёшь свёрток. Там ломтики сушёного козьего мяса. Это мы с Шинсу оставили. Такой наваристый бульон можно сварить! М-м-м. Ещё лука добавить и...

– Ёшки-кун! – повысил голос брат.

Тисяя ещё раз поклонилась и пошагала по улице, в воображении уже поедая мясо и закусывая его луковицей. Она свернула в глухой переулок: густые заросли крыжовника и разросшийся можжевельник. До дома оставалась совсем ни-

чего.

Внезапно Тисию схватили за ворот и швырнули о землю. Она ударилась затылком, и мир вокруг на несколько мгновений потух. Когда тягучее облако перед глазами рассеялось, Тисия увидела пару кожаных коротких сапог. Горожане ходили в сандалиях из бамбука или рисовой соломы, а сапоги с изящным ремешком и вышивкой носил только...

Тисия, оглушённая и ошарашенная, поднялась на ноги и с ужасом взглянула на своего обидчика. На мясистом лице брови казались неестественно изломанными и оттого презрительными. Плотно сжатые губы большого рта, нос с горбинкой. Но самыми страшными были глаза: холодные, карие, с увеличенными зрачками. В чёрных волосах, зачёсанных назад в хвост, уже проступила седина.

– Когда вернёшь долг? – спросил старейшина Цикада, буравя Тисию тяжёлым презрительным взглядом.

– Скоро отдам. Господин, вы же знаете, что я осталась без отца и матери, – сказала Тисия и заметила стоящих в отдалении мужчин из ближнего круга Цикады, кого-то вроде его личной охраны. Один из них держал во рту длинную трубку с черенком из бамбука и курил. Дымную траву выращивали на плантации за озером, но из-за резкого запаха и горького вкуса мало кто решался её курить.

Старейшина растянул рот в улыбке, однако получилась гримаса:

– А мне плевать! Или ты забыла, что я предлагал тебе по-

мощь?

– Замуж за вас? Разве это помощь? – возмутилась Тисия и не подумав брякнула. – Я брала в долг не у вас, а у всего города.

Удар в грудь вышиб из неё весь дух. А в голове одна мысль: вот теперь точно конец. Тисия лежала на спине и глядела в безмятежно голубое небо. Всё-таки красивая осень в этом году. В воздухе плавают тонкие паутинки и почти невидимые крупички золота. В такую пору и умирать не обидно. Болело всё тело. Хотелось вдохнуть, да не получалось. Над Тисией нависла тень.

– Я и есть город. Я – закон и власть. Запомни это. Даю тебе три дня, чтобы вернуть долг, – медленно проговорил Цикада и исчез. Небо вновь стало голубым.

Шаги вскоре стихли. Тисия осталась одна. Она с хрипом вдохнула и поняла, что не умрёт. По крайней мере, сегодня. Полежала ещё немного и по-старушечьи поплелась домой.

– Гад ползучий! Вонючая жаба! Чтоб тебя сожрал гюки! Чтоб ты сдох!

Тисия сидела на деревянном настиле с углублением для очага и бамбуковыми палочками вылавливала из похлёбки кусочки грибов. Затем она выпила бульон и удовлетворённо икнула. После горячей еды тело расслабилось и боль, ноющая в груди, на время отступила.

Пахло горелым деревом. Под высоким потолком плавало дымное облако. Через окна на глинобитный пол жёлто-зелёными пятнами падал свет – вокруг дома густо росли дзельквы. Тисия помылась, причесалась гребнем и переделалась в отцовские шаровары и юкату. Вошла в жилую комнату, где прямо на полу в прямоугольной выемке, находилась глиняная скрижаль с выгравированным и выкрашенным в чёрный цвет орнаментом: черепахи, несущие на панцирях луну. Тисия села на стоящий рядом громоздкий стул с подлокотниками и опустила босые ноги на скрижаль. Тут же из земли выползли пульсирующие корни, похожие на вены и артерии, и плотно обвили ступни Тисии. Она закрыла глаза, чувствуя, как тепло медленно охватывало всё тело, как отступали переживания и проблемы, как мир превращался в медовую субстанцию. Больше не было Цикады и его кожаных сапог, госпожи Юзухи и пыльного алтаря, молчаливых призраков и Храма забытых предков.

А пока Тисия купалась в волнах безмятежности и умиротворения, из тёмного угла выполз Грязелиз, напоминающий огромный сгусток слизи, и направился к пышущему жаром очагу. Из полупрозрачной массы выделилась рука с длинными пальцами, которая принялась тщательно собирать все крошечки рисовых лепёшек, что остались после обеда, и забрасывать их в чмокающий щель-рот.

Тисия же по-прежнему находилась в пограничном состоянии между сном и явью. Она слышала, как Грязелиз поедал

остатки еды, как на соседнем дворе кричал Ёшки, как где-то кукарекал петух, но у неё не было ни малейшего желания пошевелить хоть пальцем. В это же самое время за неприступной городской стеной в мрачной пещере, облачённый в светозарный балахон, сидел в позе лотоса и медитировал Нурихён. Концы его волос чёрными лентами стелились по каменному полу, а из раскрытых ладоней и босых ступней тянулись многочисленные пульсирующие вены и артерии, которые уходили глубоко под землю.

Это Нурихён, божество, сосланное в мир людей на тысячу лет за непослушание, построил Дандзё и обнёс его стеной. Он научил горожан пользоваться орнаментами и установил с ними крепкую связь, да такую, что даже ребёнок не мог ни дня прожить без прикладывания к глиняной скрижали. Нурихён выбирал себе наместников в городе, старейшин, а сам предпочитал беспрерывно питаться чувствами и эмоциями горожан. Через вены он получал радость, печаль, раздражение, восторг, страх, желание, зависть, страсть... Он проживал сотни тысяч жизней, наблюдая за каким-то безумным спектаклем, где чувства всегда накалены до предела. А через артерии возвращал умиротворение и покой. Он полагал, что это честный обмен. В конце концов, Нурихён мог признаться самому себе, что без этих людей ссылка свела бы его с ума.

Иногда его мысли возвращались в Страну Жёлтых Вод, обиталище демонов и ёкаев, из которой он был изгнан, и к

повелительнице Идзанами. Подумаешь, нарушил несколько правил, ладно, несколько сотен правил. Но те девушки были такими красивыми. Идзанами заупрямилась: людям не место в царстве мёртвых. А с кем Нурихёну было развлекаться? Со старухами с висящими до колена грудями или с бес-телесными призраками? А у живых девушек такая нежная и шелковистая кожа, такие тёплые бёдра, струящиеся волосы, тонкая талия. Однако всё это в прошлом. Теперь Нурихён – неугодный изгой, живущий надеждой на скорейшее возвращение домой.

... Рука Тисии сползла с подлокотника. В дверь тихонько постучали. С улицы через окна взидала тёмная, чёрная ночь. Непроглядный мрак и дышащий сыростью туман сплелись тесно-тесно, точно собирались проглотить затерявшийся среди густых лесов Дандзё.

Стук повторился. Тисия приподняла ноги, и корни тут же юркнули под скрижаль. Кто это мог быть? Ёшики и Шинсу? Вряд ли. Даже для соседей уже поздно. Старейшина Цикада? Но он дал три дня. Может, тётка Шibuки, эта несносная женщина? Тисия зажгла фонарь с масляным фитилем и отодвинула дверь. Изумлённо ахнула и бросилась в объятия ночного гостя:

– Казуми? Неужели это и вправду ты?

– Это баку-дзори.⁸ Пришёл, потому что ты плохо ухажива-

⁸ Призрак старой сандалии

ваешь за своей обувью, – ухмыльнулся мужчина и поспешно добавил. – Потуши фонарь.

Он задвинул дверь и какое-то время вслушивался в звуки улицы, а потом нежно прошептал:

– Как же я соскучился!

Тисия стала покрывать Казуми поцелуями, ощущая такой знакомый запах раскалённого железа. Казуми Акано работал в кузнице и часто отправлялся к северной стене, где в болотных местах добывали бурый железняк.

– Я слышал, что Цикада на тебя напал. Мерзавец! Я задуш его вот этими руками!

Тисия схватила его ладони, широкие, мозолистые, и прижала к своим щекам. Ей не нужен был свет, чтобы видеть любимое лицо. Она рисовала его в воображении каждую ночь. Знала каждую морщинку, каждый шрам и каждый ожог.

– Не нужно. Он и так на тебя косо поглядывает. Я верну долг, и всё будет, как прежде.

– Как же... Вернёшь... Держи, – Казуми протянул свёрток. – Обменял сегодня. Тончайшая козья кожа. Хорошая работа. Только сама не ходи к Цикаде. Пусть Шинсу от твоего имени отдаст. Бери, бери! Не отказывайся. Я беспокоюсь о тебе.

Тисия стояла в темноте, дышала со своим возлюбленным в унисон и чувствовала себя невероятно счастливой. Он заботился о ней, беспокоился, переживал. И вдруг болезненный импульс, и радость мгновенно омрачилась.

– А как же твоя жена? Что ты ей сказал, уходя из дома?

– Нацуна отправилась к матери. Та заболела. Хватит болтать! Иди ко мне, – Казуми притянул к себе Тисию и сжал в объятиях. – Я скучал!

Юката скользнула на пол, гребень со стуком отлетел в сторону. Он подхватил Тисию и понёс на фудон⁹, а потом долго смотрел на полоску лунного света, что задержалась на хрупком плече. Ни одного слова, ни одного лишнего движения. Весь мир, и они, влюблённые, в нём одни.

Тисия, ни капли не смущаясь, села на него сверху и тихонько застонала. Казуми впился пальцами в её ягодицы. Кажется, если она будет двигаться медленнее, то пах просто взорвётся от нетерпения. Хотелось всю её и сразу: целовать, обнимать, нюхать, и чтобы она не прекращала стонать и откидывать назад волосы. Их понесло в какую-то бездну, наполненную сладким вкусом взаимной любви...

... – Злодей, вымогатель! – просипел Казуми, когда его дыхание восстановилось, и они с Тисией, плотно прижавшись друг к другу, лежали на фудоне.

– Ты это про кого?

– Да про старейшину, конечно! Вот увидишь, я отомщу ему. Обещаю тебе. Выведу народ из города, а потом вернусь и выпотрошу ему кишки, – Казуми гневно тряс кулаком, словно его враг стоял где-то здесь, в чернильном мраке.

– Ты до сих пор веришь в эти сказки, а? Всемирное дерево

⁹ Постельная принадлежность в виде толстого хлопчатобумажного матраса.

и новая земля? Серьёзно? – Тисяя приподнялась на локте. – Дандзё окружают непроходимые леса с кровожадными монстрами, а дальше живут народы, дикие как звери. Лазутчики, что проникают за нашу стену, приносят страшные болезни. Куда ты выведешь народ? На погибель?

Казуми аж подскочил от возмущения:

– Это он так сказал! Цикада! А до него говорили другие старейшины, наученные Нурихёном-сама, будь он неладен. Там, за стеной, нет никаких зверей и монстров, а самые обычные люди, такие же, как и мы. Послушай же меня! Мой дед, Кэнто Акано, рассказывал мне про это дерево. Вот как это было? Тогдашний старейшина укреплял стену, поэтому послал очередную группу рабочих. Покидать пределы города было запрещено. Но Кэнто, то ли смельчак, то ли глупец, ослушался приказа и отправился в разведку, однако заплутал в лесу. Два или три дня он пытался найти дорогу домой, пока не наткнулся на всемирное дерево. Оно было величественным и красивым. Сияло и как будто дышало. Дверь вся в драгоценных камнях. Кэнто вошёл внутрь дерева и увидел новую землю. Громадный город, гудящий как улей. Рисовые поля такие большие, что нет им ни конца, ни края. И озеро такое здоровенное, что наше озерцо рядом с ним похоже на лужу. Кэнто понял, что обязан рассказать остальным про свою находку, и попытался возвратиться к стене, но от обезвоживания и усталости потерял сознание. Друзья нашли его и отнесли в Дандзё. Только вот никто ему не поверил! Гово-

рили, мол, от голода померещилось всякое. Но дед клялся мне, что видел ту землю своими глазами.

– Я даже не знаю, Казуми...

– Чего ты не знаешь? Что урожаи с каждым годом всё хуже и хуже? Что почва не отдыхает уже много лет? Что дети тощие и недоразвитые? Что в озере почти нет рыбы, а рисовые поля погибают от вредителей?

– Куда нам идти? Тут орнаменты и...

Казуми встал на ноги, и Тисия в очередной раз залюбовалась его могучей и крепкой фигурой. А он почти что кричал:

– Разбить орнаменты! Освободиться! Найти новую землю! Там столько всего удивительного и нового!

– Эй, не шуми. Лучше присядь рядом со мной.

Казуми послушно опустил голову и спросил:

– А чего ты хочешь от жизни? А, Тисия-тян?

– Да просто жить. Встречать весну и провожать зиму. Заняться огородом и вырастить хороший урожай репы.

– Репы? Репы?! Слушай, я собираюсь вывести народ, и тебе придётся выбрать: идти рядом со мной или дальше гнить в этом болоте.

Тисия укуталась в одеяло и обиженно произнесла:

– Рядом с тобой пойдёт твоя жена Нацуна. А я, тайная любовница, ничья невеста, останусь там, где всегда жили мои предки.

– Прости, – прошептал Казуми. Свою меланхоличную жену он никогда не любил. Их свели родители. Казуми, увле-

чённому мечтами о новой земле и собирающему вокруг себя соратников, было всё равно. Жениться – так жениться. Это уже позже в его жизнь ворвалась Тисия, и голову снесло от любви. Бросить жену не хватало смелости, но и отказаться от Тисии он не мог. Так и метался между двух огней кузнец-мечтатель.

– Прощаю. Только ты не лезь на рожон. Ладно? – попросила Тисия.

– Я сделан из камня и железа. Что со мной будет?

– Из камня и железа? Это точно, – она с нежностью прикоснулась к мускулистым груди и плечам. – И ещё. Нурихён-сама – бог, поэтому будь к нему почтительным.

– Уф! Я вырос в окружении богов. Когда в колодце квакала лягушка, то бабушка низко кланялась и заставляла меня принести в дар цветы; отец в начале осени оставлял на пороге мисочку со специями для бога дождя; а матушка всегда разговаривала с жаровней, чтобы расположить к себе богиню ровного огня. Так что всех и не упомнишь, а уж почитать тем более! – фыркнул Казуми.

– Но Нурихён-сама не все. Он построил Дандзё и подарил нам скрижали, которые ты, кстати, хочешь разбить.

Казуми склонился к своей возлюбленной и прошептал:

– Свою скрижаль я разбил давным-давно.

Тисия ахнула и в ярости замахнулась на Казуми. Она любила его всем сердцем, но иногда была близка к тому, чтобы убить.

– Моя матушка часто повторяла: кого любишь, у того ты в оковах, – сказала Тисия. – Я совсем тебя не понимаю, но влюбляюсь с каждым днём всё больше и больше.

Глава 3. Рисинки на чёрной земле

Ночью прошёл дождь, и утром небо оставалось затянутым. Отряхивая последние скупые капли, над городом зависли тучи. С низин поднимался туман и обволакивал улицы призрачным пологом. Тисия стояла у дома госпожи Юзухи и не отрываясь глядела на глянцевый кленовый лист, что плавно скользил по поверхности огромной лужи. В воде отражались силуэты деревьев и грозное небо. Весь мир в одной луже! Как же Казуми говорит, что там, за стеной, так много земель и других народов? Разве ему мало Дандзё?

– Куда это ты пялишься? – госпожа Юзуха сползла с крыльца и тоже уставилась на рыжеватый лист своими стрекозиными глазами. – Грязь! Вокруг одна грязь!

Тисия непонимающе уставилась на старуху, а затем кивнула на корзинку в своих руках, накрытую отрезом чистой ткани:

– Вот рисовые лепёшки! Я сегодня не опоздала?

– Нет. Муж как раз одевается к завтраку. Иди за мной. Поможешь мне постирать. Руки болели всю ночь, теперь и котелок с водой не могу поднять. Только разуйся на пороге! – госпожа Юзуха побрела к дому.

Вдруг из кустов гортензии выпорхнул буровато-серый зужёк и громко закричал: «ки-и-и!» Тисия с замиранием серд-

да смотрела, как пташка игралась в кленовой листве. Как же забавно!

– Да что с тобой такое, девчонка? Видимо, работница из тебя сегодня никакая. Всё летаешь в мечтах! – укорила госпожа Юзуха и отодвинула дверь.

Пар поглотил большую комнату, сделал очертания предметов размытыми и нереальными. Тисия кипятила воду на очаге, а затем выливала её в огромную бадью с грязной одеждой. Мыло из жира и золы щипало кожу рук, опухших от трения о грубую пеньковую ткань. Волосы налипали на лицо, по спине текли ручейки пота. А госпожа Юзуха безостановочно болтала:

– Я заплачу тебе глиняными кувшинами. Отнеси их плотнику Сэтору Какура. Он крышу в твоём доме починит. Зима на носу. Возьмёшь ещё у меня мешочек с бобами. Кстати, недавно заходил кузнец Казуми Акано. Я у него новые кочерги заказывала. Красивый мужчина, могучий, но какой-то не в себе. Что ж ты такая неловкая? Хорошенько выжимай. Сушить в доме придётся, после обеда дождь пойдёт. Я точно знаю – суставы крутит. О-о-ох!

Тисия выжала халат и встряхнула его. Невидимые глазу капельки оросили стены и пол.

– Почему это он не в себе? – спросила она, маскируя волнение равнодушием.

Госпожа Юзуха упёрла руки в бока. Сегодня она собрала

седые волосы на макушке и так скрепила их гребнем, что они казались воздушным облачком, парящим над головой.

– Казуми этот осторожничает, подходит издалека и прямо никогда не говорит. Расспрашивал про моего отца. Он же по молодости был у тогдашнего старейшины помощником. Во-первых, я мало что знаю. Отец рано умер. Во-вторых, мне проблем не нужно. А как вам живётся, спрашивал? Не голодаете ли вы? И про Цикаду интересовался. Я лишнего не болтала. Хотя признаться, мне не нравится нынешний старейшина. Грубый он какой-то и невнимательный. Вот прошлый был душевным, участливым таким. А живётся нам сложно, как и всем. Но мы ж привыкли в скудости. Правда?

Тисия кивнула. Правда. И про бедность правда и про то, что Казуми что-то затевал. Юзуха продолжала болтать, а Тисия улетела мыслями в прошлое, когда впервые увидела Казуми. Тогда у господина Такеру, отца хромоногого Асахи, несколько коз отбились от стада и убежали в низину. Влажная после зимы почва превратилась в болото, и скотина там застряла. Мужчины бросились на выручку, а дети с восторгом и ужасом наблюдали, как испуганных животных вызволяли из беды. Тисии в то время было тринадцать. Она никогда не забудет юного, но уже крепкого телосложением Казуми, который прижимал к себе козлёнка, перемазанного грязью. Как же он радовался этому спасённому крохотному существу, как громко смеялся и ликовал! Тисия с удивлением обнаружила, что её колени внезапно стали ватными, а в лёг-

ких не оказалось воздуха. Молодой кузнец выделился на фоне остальных людей, как будто увеличился в размерах и занял всё пространство вокруг. Чувство было новым и пугающим для девушки, так она с усердием сопротивлялась ему...

... Тисия взмахнула простынёй. Старуха на мгновение исчезла из виду, и картинка поменялась. Впервые они поговорили у Тисии дома. Казуми тогда помогал чинить очаг. Он уже был женат и успел прослыть как толковый кузнец. Влюблённость вспыхнула ярко, но что с ней делать молодые люди не знали, поэтому страдали поодиночке....

...Ещё один взмах, и ещё одно облако крошечных капелек. Госпожа Юзуха открывала рот, но голос её растворялся в треске дров и бурлении воды. Картинка стала другой. Неведомая болезнь навсегда изменила горожан. Тисия никогда не забудет, какой отчаянный ор стоял тогда на улицах. Матери плакали о своих детях, мужа – о жёнах, сёстры – о братьях. Тисия быстро выздоровела и сразу принялась заботиться о своей семье. Первой умерла сестра, затем – мама, и в один день – брат с отцом. Ошарашенная, не верящая в происходящее, Тисия не проронила ни слезинки. Она слышала, что и Казуми болел, так что вечерами бегала к его дому и подсматривала в окна, желая удостовериться, что любимый жив. Они оба выжили, но горе Тисии было так велико, что она сутками сидела дома, приклеенная к скрижали. Если бы не Шинсу и Ёшики, которые насильно кормили юную соседку,

она бы там и умерла. Иногда заходила тётка Шибуки, но она только ругалась и обзывала племянницу ленивой курицей...

... Взмах. Взмах. Куча выстиранного белья увеличивалась на глазах. Натруженные руки Тисии ныли от усталости, лёгкие требовали глотка свежего воздуха, но память услужливо преподнесла ещё одно воспоминание, самое приятное из всех существующих. Казуми пришёл через месяц после смерти родных Тисии. Ночью. Он стоял на пороге, промокший от ливня и смущённый. Попросил потушить фонарь. Глупый. Тисия давно его не зажигала. Они нуждались друг в друге и жаждали крепких объятий, тепла и близости.

Казуми покинул дом только на рассвете, до конца не осознавая, что вернул любимую к жизни, что возродил в ней надежду. Утром Тисия впервые за долгое время развела огонь в очаге и испекла рисовые лепёшки. Грязелиз, учуяв запах, выполз из угла...

... Тисия в последний раз стряхнула рубаху и воспоминания. И прежде чем госпожа Юзуха заставила её развешивать одежду, выбежала на порог и с удовольствием вдохнула по-осеннему прохладный воздух. В золотой листве клёна по-прежнему игрался зүёк.

После тяжёлой стирки Тисия не собиралась идти на рыночную площадь, но любопытство взяло вверх. Толпа горо-

жан плотным кольцом окружила клетку с каким-то существом. «Неужели это Каппа? Ага! Выловили в озере. Переполз через стену. И как только умудрился? А он не опасен? Ещё как! Чуть ногу Фуруке не отгрыз. Что с этой гадостью теперь делать? Пусть господин Цикада решает», – переговаривались в толпе. Тисия протиснулась между людьми и увидела уродца с жабьей кожей и черепашьям панцирем на спине. Он, разбросав в стороны длинные конечности с когтями, привалился на прутья клетки и тяжело дышал. Вместо носа – клюв, узкие глазки глядели на окружающих почти безразлично, зеленоватые волосы грязными сосульками обрамляли вытянутую морду, а на самой макушке находилась выемка, по форме напоминающая пиалу. Жуть. Но странное дело: Тисия почувствовала что-то наподобие жалости.

– Что с ним? – спросила она мужчину с перевязанной ногой. Видимо, тот самый Фурака.

– Подыхает без воды. Видишь, в выемке нет ни капли, – он шестом ткнул в живот Каппы и громче добавил, чтобы все стоящие рядом слышали. – За стеной таких тьма тьмущая! Спасибо Нурихёну-сама, что хранит нас от злых демонов!

– Благодарим, Нурихён-сама! – загудели горожане.

Внезапно Тисию схватили за руку и потащили подальше от взволнованных зевак. Две девушки с выбеленной рисовой мукой кожей и в нарядных косодэ показались Тисии призраками из прошлого, из той счастливой жизни, когда родители были ещё живы. Саноя и Аяка с изумлением разглядывали

подругу, которая после изнурительной работы выглядела не лучшим образом: одежда в пятнах засохшей мыльной пены, влажные волосы торчали во все стороны, щёки провалились, а выпирающие скулы придавали лицу грозный вид.

– Давно не виделись, – нервно сглотнула слюну Аяка.

– Много работы, – размыто ответила Тисия и с досадой вспомнила, что так и не забрала кувшины у госпожи Юзухи.

– А мы идём к Табэ в гости. У неё родился ребёнок. Хочешь с нами? – с осторожностью спросила Саноя, точно боялась, что Тисия и вправду согласится. Напрасно. Пропасть между ними была огромной. Подруги остались на цветочном лугу, а Тисия ступила на выжженное поле. И назад дороги нет.

– Мне нужно... Я должна... – Тисия лихорадочно придумывала причину, чтобы отказаться от приглашения, и вдруг заметила в толпе долговязого Шинсу, рядом с которым крутился Ёшики с мешочком риса в маленьких и пухлых ладошках. – Я должна забрать у соседей рис. До свидания!

Тисия ринулась наутёк, затем резко остановилась и, обернувшись, поклонилась ошеломлённым подругам. Добежала до Ёшики и выхватила у того мешочек, чувствуя на затылке взгляды Санои и Аяки.

– И тебе, здравствуй, водный цветок мой, цветущая слива, луна нежная, – опешил Ёшики. – По тебе стадо козлов пробежалось? Или это *ты* вылавливала Каппу из озера?

– Я помогала госпоже Юзухе стирать, – Тисия как могла

пригладила волосы и покосилась на девушек, которые неторопливо засемили прочь от площади. Их высокие причёски медленно качались в воздухе.

Небо потемнело. Тяжёлые тучи нависали над Дандзё ещё ниже. Город снял золотистое косодэ и в спешке накинул синий дорожный плащ. Поднялся холодный пронизывающий ветер. В воздухе стояла какая-то мгла: то ли изморозь, то ли туман. Тисия подумала, что вот теперь-то настало самое подходящее время бежать домой. Не хватало ещё под дождь попасть! Но сквозь людской шум и гам прорезался громкий и знакомый голос Казуми:

– Открой ворота в стене! Пусть те, кто хочет, отправятся на поиски новой земли!

Тисия протиснулась вперёд и возле гончарной мастерской увидела старейшину и Казуми, которые явно о чём-то спорили.

– Эй, куда рис понесла? – возмутился Ёшики, хватая Тисию за локоть, но та только шикнула на него.

Цикада был перемазан грязью, видимо, только что поднялся с земли. Руки Казуми заломили за спину два здоровяка. Один из них держал во рту бамбуковую трубку для курения. Горожане разом замолкли, и где-то вдалеке раздалось кукареканье петуха. Все вздрогнули: звучало, как предзнаменование чего-то страшного.

Старейшина шагал то вправо, то влево, рассматривая противника. Его изломанными брови казались страшными на

побледневшем лице, охваченном досадой. Внезапно он в несколько прыжков преодолел расстояние до Казуми и наотмашь ударил того по щеке. Толпа ахнула единым вздохом, а Тисия дёрнулась и даже ступила по направлению к Казуми, но в её плечо врезались ногти. Шинсу, склонившись к девушке, прошептал:

– Хочешь, чтобы весь город узнал, что вы любовники? Не позорь ни себя, ни его.

Тисию била крупная дрожь от страха, стыда и беспомощности. Она по-прежнему прижимала мешок с рисом к животу и с надеждой всматривалась в лица людей: кто-то же должен встать на защиту!

Голова Казуми не качнулась от удара. Он со злым ликованием воскликнул:

– Всем рот не закроешь! Ты возомнил себя богом и превратил людей в рабов! А они знают, что за стеной новая земля, богатая и плодородная. Там дети не будут голодать!

Цикаду перекосило от гнева, глаза заволокла пелена. Он, взбивая сапогами грязь, бросился в людское море. Горожане в панике расступились, и мгновение спустя старейшина победоносно вышел с кнутом, отобранном у юного пастушка. Затем, намеренно не торопясь, приблизился к Казуми и ударил его по лицу.

Кто-то закричал, кто-то заплакал. Тисия едва не рухнула на землю. Шинсу был рядом и подхватил её подмышки. Она повернулась к Ёшики и трясущимися губами произнес-

ла: «Так нельзя. Это неправильно. Помогите ему».

Никто не помог. Все смотрели на расправу безумными глазами. Страх материализовался в тяжелое облако. Оно медленно проплыло между горожанами, скрутило их внутренности в узел и мертвой хваткой сжало шеи.

Лицо Казуми залилось кровью. Он сплюнул кровавый сгусток в грязь и снова закричал:

– Разбейте орнаменты! Освободитесь! Нурихён-сама вам не друг! А ты, чудовище, слушай меня. Я знаю про курган. Я его видел! Вот на что ты идёшь ради власти, ублюдок!

Цикада окончательно озверел. На его щеках то появлялся, то исчезал румянец. Он тяжело дышал, и грудь ходила ходунном. Он сорвался с места. Пять, десять, двадцать ударов.

Тисия вскрикнула и уронила мешок – тысячи белоснежных рисинок на чёрной земле. Драгоценные жемчужинки, втоптаные в грязь. И вдруг над толпой пролетел зум, тревожно вереща «ки-и-и». Тисии показалось, что время остановилось, и только бурая птичка являлась доказательством, что это не сон. Она кого-то или что-то призывала, нарезая круги над рыночной площадью.

Тисия опустилась на колени и стала собирать горстями рис. Зачем – и сама не знала. Конечно, его можно промыть, но теперь ли это делать? Она вытянула руки ладонями вверх и увидела, как на грязную кожу мягко опустились снежинки. Тяжёлая туча разродилась снегом. И он пришёл. Холод. Вечный спутник. Присел рядом и сочувственно погладил по

спине. Предложил довериться ему. Можно уснуть, можно ни о чём не переживать. С неба уже падал не снег, а ледяные осколки. Один осколок метил Тисии прямо в сердце...

... – Что с тобой?

Тисия очнулась. Ёшки забрал у неё мешок и теперь тряс за плечо. Снега не было. Это шёл дождь. Казуми лежал на земле, весь в крови, и жадно хватал воздух. Цикада вновь занёс кнут, и тогда Тисия молниеносно кинулась к нему и подставила руку. Одним взмахом кнут рассёк ткань рукава и кожу и закрутился вокруг её запястья.

От неожиданности старейшина растерялся, и Тисия, воспользовавшись этой заминкой, дёрнула на себя кнут и вырвала его у ошалевшего мужчины. Она не соображала, что происходило. Просто хотела защитить любимого человека. Цикада посмотрел на Тисию и всё понял. Так вот почему она отвергла старейшину Дандзё? Из-за этого мятежника!

Он, колотясь от ярости, бросился на Тисию, а она уже не могла остановиться. Размахнулась и впервые в жизни ударила человека просто по перекошенной физиономии.

– Сука! – Цикада завыл от боли и схватился за скулу. Горожане завопили, но по-прежнему никто не осмелился выйти вперёд. Слуги старейшины отобрали кнут у Тисии и поставили её на колени. Старейшина подбежал к ней и хотел было шибануть сапогом, но внезапно передумал и по-звериному оскалился. Достал из ножен короткий меч и всадил его в живот стонущего и полуживого Казуми.

– По домам! Всем разойтись! – крикнул Цикада, развернулся и под проливным дождём пошагал прочь.

Тисия на четвереньках доползла до Казуми и заревела нечеловеческим голосом. Её любимый превратился в одну сплошную рану. Из распухшего рта текла струйка крови, в лёгких что-то булькало. Раздавались страшные предсмертные хрипы. Тисия не могла поверить, что ещё ночью целовала эти губы, гладила по мускулистым рукам и животу. А теперь боялась даже прикоснуться, чтобы не вызвать очередную вспышку боли.

– Помогите! Помогите же кто-нибудь! Что вы все стоите?

– Ти... си... я... – простонал Казуми и приоткрыл щёлочки глаз. – Выведи... выведи народ.

– Сам выведешь! Не смей умирать!

Прибежали люди. Кто-то прижал рану на животе. Суетились, хотя знали, что уже поздно. Звали врача.

– Выведи... я сказал... выведи... – это были последние слова Казуми.

– Сам выведешь! Сам! Не оставляй меня одну! – крикнула Тисия и внезапно замолчала, точно ей насильно закрыли рот. Рядом на колени опустилась Нацуна, прижала окровавленную руку мужа к своей щеке и тихонько заскулила. Тисия знала, что уже ничего невозможно сделать, что она – лишняя, что нужно уступить место законной жене, что стоит встать и уйти. Но напало какое-то тупое оцепенение. Дождь смыл все слёзы и чувства.

Вдруг её поставили на ноги и оттолкнули назад. Старуха в коричневом косодэ и с распущенными седыми волосами ткнула в Тисию обезображенным болезнью пальцем и, разбрызгивая слюну, прошипела:

– Пошла вон, грязная потаскуха! Не смей позорить мою дочь, мерзкая распутница! Чтоб ты сдохла! Сколько крови нам выпила! Прочь! Прочь, распутница!

Тисия закрыла рот ладонями, потому что наружу вырвался безумный вопль, и не разбирая дороги понеслась домой. Хотелось скрыться, спрятаться и раствориться в воздухе, как туман исчезал в солнечный день.

Грязная потаскуха – шаг, шаг-шаг-шаг. Мерзкая распутница – шаг, шаг-шаг-шаг. Как теперь дышать? Как жить со всем этим? Где найти силы?

Возле клетки с Каппой никого не было. Уродец ожил – выемка на макушке наполнилась дождевой водой, и сейчас он пытался разгрызть прутья. Тисия приблизилась к клетке, отодвинула засов и распахнула дверцу. Каппа изумлённо взглянул на девушку и на полусогнутых ногах выбрался наружу.

– Чего пялишься? – сердилась Тисия. – Беги! Спасайся! Хоть кому-то должно повезти сегодня!

– Я перед тобой в долгу, девица, – человеческим голосом произнёс Каппа и стремглав понёсся к озеру.

Тисия разглядела вдалеке мужчин, несущих полотнище

с телом Казуми, сгорбленные фигуры Нацуны и её матери и толпу, которая ручейками растекалась во все стороны. Вот и всё! Горожане уйдут домой и ещё долго будут обсуждать произошедшее, стенать и заламывать руки, но никто не осмелится выйти вперёд и призвать к справедливости. Только Казуми никого и ничего не боялся. А ведь она просила его быть осторожным! Я сделан из камня и железа, говорил он.

– Из камня и железа... из камня и железа... – непрерывно повторяла она, расплёскивая грязную воду в лужах.

– Тисия, подожди! – кто-то позвал.

Она обернулась и непонимающе уставилась на высокого и стройного юношу. Мокрые волосы почти полностью облепили его лицо, так что Тисия никак не могла распознать незнакомца.

– Я – Хоку Ямасита. Друг Казуми... То есть был им...

– Друг? Где ты был, когда его убивали? – Тисия двинулась дальше.

– Я не успел. К тому же... Цикада... Он... – Хоку бросился вдогонку. – Я проведу тебя до дома. На всякий случай.

– Чтоб тебя сожрал гюки! Всех вас! Никто не помог, никто его не защитил! Трусы! Ненавижу! – плакала Тисия, спотыкаясь и поскользываясь в грязи. Через дождевую завесу она разглядела размытые очертания своего дома. – На старосту нет управы! Он может творить всё, что вздумает! Шантажировать, издеваться, убивать! А вы... НЕ-НА-ВИ-ЖУ!

– Тебе нужна помощь, – с беспокойством сказал Хоку. – Твоя рука...

Тисяя отдернула рукав, посмотрела на огромный кровавый рубец на предплечье и безразлично ответила:

– Пошёл вон, Ямасита! Тебе нельзя доверять. Вам всем нельзя.

Оказавшись дома, она сразу же приложилась к орнаментам. С облегчением ощутила, как отступили боль и тревога. Нурихён забрал все её переживания, а взамен подарил блаженную пустоту. Дождь назойливо стучал по крыльцу, скрипели ветви дзелькв и шелестел разросшийся папоротник.

Глупый! Глупый Казуми! Что ты наделал? Мы могли бы быть так счастливы! Я бы валялась в ногах Нацуны, чтобы она отпустила тебя. Пошла бы за тобой на край света! Бросилась бы в пасть чудовищам! Забери и меня! Зачем мне солнце, если все дни теперь без тебя? И зачем луна, если каждая ночь принесёт только холод и одиночество?

Тисяя выжила в мире, в котором не стало родителей. Научилась выкручиваться, выкарабкиваться и следовать правилам. И вот мир опять другой. Теперь в нём нет Казуми. И этот новый мир ей был не нужен.

Глава 4. Последняя воля умирающей

Пустота. Тисия пялилась в пустоту и ею же дышала. Дождь шёл несколько дней, а затем наступили первые заморозки. Нужно было встать, одеться потеплее и разжечь огонь в очаге, но Тисия боялась, что вернётся боль и невыносимая горечь потери. Она чувствовала подошвами стоп шероховатые линии орнаментов и прохладу камня. Черепахи несли свою луну, а Тисия отказывалась принимать уготованную ей судьбу и двигаться дальше по жизненной дороге.

В комнате со скрижалю в тёплую пору года отодвигали перегородку, чтобы наблюдать за садиком, который так любили мама Тисии: кривоватые сливовые деревца, кусты азалии и папоротник. Кое-где торчали статуи божков, невысокие и смешные. Это брат высек их из камня.

Теперь перегородка была задвинута, но Тисия и так знала, что происходило с садом. Папоротник скукожился и засох, голые скелеты слив протягивали изломанные руки в серое небо, а азалии укутались ледяной вуалью.

Пару раз в неделю приходили близнецы. Шинсу готовил на очаге похлёбку, а Ёшики сидел на полу рядом с Тисией и болтал о всякой всячине: рассеянный Кеиджи свалился с крыши и чудом остался жив; Масашу вовсе не растолстела, а

всё это время была беременной; над Дандзё пролетел длиннющий клин черноголовых журавлей.

Тисяя не понимала, почему братья так добры к ней и чем она заслужила от них такую милость. Ведь она, как говорила та старуха, грязная потаскуха и мерзкая распутница. Разве им было не противно приходить в её дом и готовить еду?

Вот родная тётка Шибуки, явившаяся на следующий день после гибели Казуми, с порога заявила:

– Такого позора моё несчастное сердце не выдержит!

Шибуки, вечно надутая женщина с внушительной холкой, укусно-кислым лицом и вялым ртом, одарила племянницу испепеляющим взглядом и сообщила:

– Теперь выдать тебя замуж я смогу или за сумасшедшего, или за калеку.

Тисяя даже не шелохнулась. Сидела на стуле рядом со скрижалью и пялилась в пустоту. Корни Нурихёна плотно облегли её стопы.

Шибуки мерила комнату шагами и размышляла вслух:

– Пусть всё немного поутихнет, и я попробую тебя куда-нибудь пристроить. Деятнадцать лет всё-таки. Ещё пару годиков – и ты даром никому не будешь нужна. Как ты вообще связалась с этим Казуми? Жалко его, конечно. Такой молодой! Да и старейшина совсем распоясался. Вчера избил старика, потому что тот преградил ему путь со стадом коз. С другой стороны, дай свободу, и Дандзё погрузиться в хаос. Каждый будет делать, что хочет: воровать, выходить за

стену, спать с чужими мужьями. За что мне всё это? Чем я провинилась перед богами? Слушай, Тисия-тян, переходи ко мне жить. А что? Зима-то приближается. Тут такое дело. Мой сын старший жениться собрался. Жить им пока негде, а этот дом крепкий и добротный. Молодая семья пусть обживается, а я тебя тем временем замуж выдам.

– Уходите, – прошептала Тисия.

– Что ты там бормочешь? Не слышу. Ты подумай над моим предложением, а я вернусь через пару дней, – Шibuки приблизилась к племяннице и помахала рукой перед её глазами. – Эй! Ты вообще живая? А то, может, померла на этом стуле? Вот уж ленивая курица! Говорю, приду через пару дней!

– Уходите, – повторила Тисия, резко выдвигаясь вперёд, словно собиралась встать и вытолкнуть родственницу за порог.

– Ухожу, ухожу! – проворчала Шibuки и направилась к выходу. – Все твои проблемы случились от того, что ты посягнула на чужое. Предки не просто так говорили: имеющий что-то, имеет всё необходимое. Но как тебе, бестолковой, это понять?

Как-то поздно вечером пришёл Ичиро Тиба, лысый согбенный старик, муж госпожи Юзухи. Он покружил вокруг дома и осторожно постучал в дверь. Тисия вышла на по-

рог. Всё кругом покрылось инеем и толстой ледяной коркой. Улица дремала, и только где-то вдалеке мерцали жёлтые пятна фонарей.

Господин Ичиро поклонился, при этом тревожно озираюсь по сторонам. Тисия смекнула: не по своей воле пришёл, госпожа Юзуха отправила. Видимо, ему было неловко стоять возле дома распутницы.

– Здравствуй. Ты так и не забрала, – он протянул мешок с кувшинами. – А у нас несчастье приключилось. Слегла моя жена. Мне одному тяжело управляться по хозяйству. Может, ты выручишь нас. Конечно, за плату. Только, только... – господин Ичиро замялся, подбирая нужные слова.

– Вы хотите, чтобы я приходила рано утром, пока горожане ещё спят, – догадалась Тисия и почувствовала накатывающий на лицо жар. Так вот, кто она теперь! Её прихода стыдятся, наверняка теперь и здороваться не будут. – Госпожа была добра ко мне. Не всегда, конечно, но я помогу. Идите в сад. Оттуда ведёт тропинка через огороды. Так ваш визит останется тайным.

Тисия задвинула дверь и долго стояла в темноте, вслушиваясь, как ветер свистел на чердаке. Крышу ведь так и не починила. Плевать! Холодно внутри и холодно снаружи. Её притягивали к себе орнаменты. Звали и обещали сладостное забытие. Зачем пытаться и стараться, если можно провалиться в пустоту? Там не будет господина Ичиро, которому неловко стоять на пороге её дома; не будет тётки Шибу-

ки, которая хочет лишить Тисию собственного угла; не будет осуждения и колких взглядов...

Однако она превозмогла себя и отправилась к очагу. Разложила дрова и подожгла их щепой. Вскоре комната озарилась сиянием медового цвета. Тепло стелилось по земле и медленно поднималось к потолку.

Тисия отварила рис, вынесла из кладовки деревянную ступу и установила её на земляном полу в нежилой части дома. Подготовила отцовский деревянный молот и небольшую бочку с водой. Она решила приготовить рисовые пирожки. Затея выглядела крайне неудачной. Молотом нужно было колотить рис до тех пор, пока он не превратится в тягучую массу, напоминающую тесто. Это работа для крепкого мужчины, да ещё не помешал бы второй человек, который будет смачивать тесто водой, чтобы оно не прилипало к стенкам ступы.

Но изнутри уже душила злость и просто необходимо было дать ей выход. Тисия закрепила волосы гребнем, широко расставила ноги и со всей силы шибанула молотом по клейкому рису. Тяжело, но Тисия даже не думала отступить. Она колотила что есть силы и при каждом ударе издавала отчаянные вопли.

Ба-бах! – Чтоб тебя сожрал гюки!

Ба-бах! – Как мне всё это пережить?

Ба-бах! – Я же просила тебя не лезть на рожон!

Ба-бах! – Я не хочу без тебя жить!

Ба-бах! – А тебя я убью, Цикада!

Ба-бах! – Это я сделана из камня и железа, а не ты! Это я! Я! Я!

Тисия часто останавливалась и смачивала водой молот, тесто и стены ступы. В эти короткие передышки она чувствовала, как гудели мышцы на спине, как тяжелели руки и в голове нарастал шум. А глубоко в груди трепыхалась, как воробей в тёплом гнёздышке, надежда увидеть сокрушение Цикады, его боль и страдание. Она отомстит старосте за содеянное, пусть даже ценой собственной жизни.

С утренними сумерками работа была окончена. В корзинке на чистом отрезе ткани лежали аккуратные шарики, присыпанные рисовой мукой. Сушеные сливы Тисия выварила в сладкую кашу и этим начинила пирожки. Осмотрела себя и впервые за долгое время улыбнулась: вся в муке, как в снегу.

– Снег! – крикнула Тисия и выбежала на улицу. Кромешная темнота ночи побледнела, метель снежной пылью выбелила сумерки. Ветер кружил снег и звонкие льдинки, колыхал веточки деревьев, отчего повсюду раздавался тихий порывистый перезвон.

Дандзё был похож на большой рисовый пирожок, присыпанный мукой. Тисия пыталась отыскать хоть одно светлое чувство внутри себя, ведь она так любила зиму. Любила тёмные вечера, когда на расстоянии в десятки ри¹⁰ не бы-

¹⁰ Мера длины. 3, 927 км.

ло слышно ни одного звука; любила таинственность длинных ночей и холодный свет зимнего солнца. Но увы! Душа не откликалась. Она надела стёганую хаори, обула фука-гуцу¹¹ и, прижимая к себе корзинку с пирожками, зашагала по пустынной улице.

Госпожа Юзуха лежала на футоне, укрытая несколькими одеялами и всё равно дрожала. Рядом с изголовьем стоял фонарь, бросающий жёлтые пятна на исхудавшее от болезни лицо. Тисия присела на пол и почтительно поклонилась:

– Чем я могу вам помочь, госпожа?

– А... Тисия-тян. Ты похожа на призрака. Растрёпанная, неумытая. Почему не привела себя в порядок? – госпожа Юзуха говорила с трудом, дыхание сбивалось, а рот то и дело искажался в болезненной судороге.

– Меня мало волнует, как я выгляжу, – равнодушно ответила Тисия. – Я приготовлю чай из трав, которые собирала для вас летом.

– Не торопись. Позже чай. Ты молода, и ещё встретишь хорошего мужчину. Не закатывай глаза. Я слышала, про тебя и Казуми. Просто знай, что боль со временем притупится. У тебя всё впереди. Как бы я хотела повернуть время вспять. В юности я была хороша, как луна в пятнадцатую ночь. Говорили, когда Юзуха улыбалась, цветы распускались. И вот

¹¹ Зимняя обувь японских крестьян, напоминающая валенки.

я умираю.

– Лучше бы на вашем месте была я! – в сердцах воскликнула Тисия.

– Не-е-ет. Смерть и жизнь – судьба, – закашлялась госпожа Юзуха. – Жизнь похожа на пузырёк на воде. Никогда не знаешь, когда он лопнет.

– Для меня уже всё окончено. Знаете, почему я до сих пор дышу? Из-за ненависти. Мне осталось только отомстить. Потом я приготовлю снадобье и усну вечным сном.

И вдруг госпожа Юзуха заплакала. Беспомощно и совсем по-детски:

– Тисия-тян, нужно много мужества, чтобы покончить с собственной жизнью, но ещё больше, чтобы не делать этого. Ты должна обратиться к предкам. Они утешат тебя.

– Они молчат! Предки больше не разговаривают с людьми! – Тисия поднялась на ноги. – Вам нужно отдохнуть. Пойду приготовлю чай, а потом поменяю вам постель.

– Подожди. Не уходи. Обещаю, что не буду докучать тебе. Исполни последнюю волю умирающей. Отправляйся в Храм забытых предков. Вычисти тот алтарь, который возвели твои прапрадеды. Почувствуй себя частью рода. Вернись к истокам. Вот увидишь, всё изменится.

– Я не пойду в Храм! – выбегая из комнаты, ответила Тисия, но в спину шибанули холодные слова:

– Только жестокий человек может отказать умирающей!

Тисия вошла в храмовый двор. Снег сотворил настоящее чудо: выбелил землю и прикрыл грязные ступени нарядным кружевом. Плавающие в воздухе снежные хлопья, создавали волшебную и праздничную атмосферу. Тисия представила ребятешек, которые утром, высыпав на улицы, языками ловили снежинки. Она добиралась до Храма огородами. Издалека видела детские силуэты в утеплённых курточках и слышала беззаботный смех.

– Что-то ты зачастила! – откуда-то сверху крикнула Хикэси-баба.

Тисия подпрыгнула от испуга. Хикэси сидела на ветке разросшийся глицинии – стожок соломы на дереве – и подгибала под себя лапы. Может, сверху теплее, предположила Тисия.

– А ты не так глупа, как мне думалось поначалу, – хмыкнула Хикэси. – Горожане-то сюда не приходят. Верят Нурихёну. Ха! Этот мерзкий божок никогда мне не нравился. И везде пустил свои щупальца, поработил вас. Я видела, как он творил скрижали с орнаментом. Хищник! Вы думаете, что свободны? Ха! Сила в предках. Истина не в корнях Нурихёна, а в корнях рода и в тех первых свободных людях, которые пришли сюда, очарованные обещаниями божка. У Дандзё была надежда ровно до тех пор, пока староста не убил Казуми Аканю.

– Вы знали Казуми? – Тисия приблизилась к глицинии.

– Он часто сюда заходил. Расспрашивал о былых временах. На пороге Храма разбил родовую скрижаль. Ха! Так и было. Я схоронила осколки в зарослях тростника, чтобы он не вернулся за ними. Тяжко ему было в первое время. Лома-ло, крутило. Что уж тут говорить? Но Казуми стал сильнее, а желание выбраться из этой тюрьмы – крепче. И вот что я тебе скажу. Новая земля...

– Хватит! – резко оборвала Тисия. – Хватит говорить про новую землю. В чужой стране человек подобен щепке, носимой волнами. А тут наш дом.

– То не дом, а тюрьма! – возмутилась Хикэси-баба, но Тисия уже взбиралась по ступеням, оставляя на белом шёлке неряшливые следы.

«Выполнить последнюю волю умирающей... Почистить алтарь... Не обращать внимание на звуки... Двигаться быстро, чтобы не замёрзнуть... Не смотреть в глубь Храма...» – Тисия шагала между рядами алтарей и повторяла про себя одни и те же фразы. Она боялась, что отвлечётся и позволит Холоду прикоснуться к ней; боялась, что обернётся на зов колокольчиков; боялась быть слабой и маленькой.

«Вот семейный алтарь. Такой же, как и другие. Только имена на молитвенных дощечках под фамилией Камадо. Задерживаться тут не нужно. Тряпкой вытереть пыль. Что-то шуршит в сером мраке. Не отвлекаться! Это просто мыши. Какая въевшаяся грязь на пиале! Что за страшный

вой на чердаке? Это метель играет. Не отвлекаться!»

Тисия смахнула веничком паутину и только сейчас заметила на вершине алтаря глиняную скульптурку – черепаха, несущая на спине луну. Отец говорил, что черепаха обозначает долгожительство и крепость в старости. Мол, все в роду Камадо живут долго. Как же он ошибался! Если бы отец знал, как скоро болезнь отправит его в страну мёртвых! Тисия положила скульптуру на ладонь и в воображении нарисовала многочисленных предков, касающихся этой черепахи. Десятки, сотни людей. И все они обитают в задворках этого Храма. А если и вправду обратиться к ним за утешением? Может, Хисэки-баба права, и от орнаментов больше вреда, чем пользы?

Где-то очень далеко зазвенели колокольчики. Тревожный и хрустальный звук. Тисия заторопилась: поставила скульптуру на место, сложила предметы для уборки в ящик, свернула циновку. Она уже ринулась к выходу, когда услышала за спиной:

– Куда ты так торопишься, сестра?

Тисия почувствовала, как земля уходит из-под ног. Стены и потолок закачались. Так было, когда она впервые попробовала сливовое вино. Всё вокруг показалось ненастоящим. Вот и теперь так! Тисия обернулась и одними губами произнесла: «Химавари».

Перед ней стоял призрак младшей сестры. Худенькая, низкорослая, босая, в юкате с короткими рукавами. Локонь

полупрозрачных волос трепыхались в воздухе испуганными мотыльками, а широко распахнутые глаза глядели сурово и осуждающе.

– Химавари, – Тисия сделала шаг и тут же отступила. Не бросаться же в объятия к призраку! – Почему ты пряталась каждый раз, когда я приходила. Мысли всякие...

– Я тебя ненавижу! – перебила Химавари.

– Но... Сестра, чем я провинилась перед тобою? – Тисия ожидала каких угодно слов, но точно не этих. – Не понимаю. Я так скучаю по тебе, по всем вам.

– Тебя не было рядом, когда я умирала. Ты ушла к *нему*, а ведь я просила остаться. Мне было так страшно. Жутко и одиноко. Лучше бы ты держала меня за руку, – у Химавари задрожали плечики.

Тисия сделала несколько осторожных шагов и опустилась на колени, чтобы глядеть сестре прямо в глаза:

– Ты казалась тогда крепче всех остальных. Я была уверена, что ты выздоровеешь. Казуми ведь тоже болел. Я просто хотела убедиться, что у него всё в порядке.

– Ты подсматривала, заглядывала в его дом, как воришка, – усмехнулась Химавари.

– Я просто любила его и... беспокоилась. Но если бы я знала, что тебе так резко станет плохо, то не отошла бы от твоей постели ни на секунду. Прости меня, сестра.

– Мне было так страшно. Холодно и темно. Если бы ты только держала меня за руку... – Химавари стала постепенно

исчезать, рассеиваться, как облако пара на сквозняке.

– Поговори со мной ещё. Пожалуйста... – Тисяя ещё немного постояла и направилась к выходу, ощущая тоскливое чувство одиночества. Ей окончательно опротивела эта жизнь. Только орнаменты могут справиться с невыносимой душевной болью. Скорее бы прикоснуться к скрижали! Госпожа Юзуха, ошиблась. Ничего не изменилось. Стало только хуже.

Глава 5. Маленькая девушка с хорошим аппетитом

Нурихён знал каждого человека в Дандзё. Правда, не по имени, а по сиянию цвета, которое они распространяли. Люди, вокруг которых струилась небесная синева, волновали Нурихёна меньше всего. Они были спокойными и уравновешенными, а самое печальное – предсказуемыми. Все оттенки жёлтого и оранжевого давали яркие, но кратковременные эмоции. Лакомый кусочек —горожане, сияющие зелёным. Они были способны на глубокие чувства: если страдать, то каждой клеточкой тела; если влюбляться, то без памяти.

Нурихён знал Тисию. Нурихён обожал Тисию. Она излучала тёмно-зелёное облако с вкраплениями чёрного, потому что внутри неё обитал ужас. Это был не тот ужас, от которого волосы вставали дыбом, а настоявшийся и превратившийся в самое обычное состояние. Она прокручивала в голове воспоминания о родителях и Казуми, а потом прикладывалась к орнаментам, чтобы избавиться от физической и душевной боли. Вот тут и наступал пир для Нурихёна. Он закрывал глаза и среди сотен цветных пятен искал то самое. Он тянулся к нему, точно изголодавшийся зверь к лёгкой добыче, и густая как смола месть, которая разрасталась в сердце Тисии, была для Нурихёна слаще мёда.

Стремительно катились жемчужины дней. Снег растаял, и склоны покрылись молодыми побегами тростниковой овсяницы и васоби. Клёны обернулись в нежно-зелёное косодэ, состязаясь в красоте с нарядными сливами и вишнями. Земля оттаяла и задышала тёплым паром – наступила рабочая пора. Дандзё огласился звонким говором, стуком колёс повозок и чвакающими шагами на дорогах, утопающих в грязи.

Всю зиму Тисия помогала господину Ичиро ухаживать за женой. Старуха умерла в середине первого весеннего месяца. За неделю до смерти она впала в беспамятство, но, бывало, приходила в сознание, хватала Тисию за руки и бормотала: «снег... бойся стужи... не пощадит никого». Одним утром госпожа Юзуха громко ахнула и отошла в страну мёртвых. Тисия поклонилась господину Ичиро и навсегда покинула его жилище. Она направилась домой не огородами, как обычно, а пошла по оживлённой главной улице. На девушку косились и судачили за спиной, но как-то вяло. Прошло достаточно времени после убийства Казуми, и появились новые темы для сплетен.

Вернувшись в свой дом, Тисия равнодушно посмотрела на холодный очаг и бочку с заплесневелой водой. Создавалась впечатление, что в этих комнатах давно уже никто не жил. А когда-то тут было весело и шумно: брат ругался с сестрой, мама бренчала посудой, папа возился с рабочей утва-

рю. Пахло маринованными овощами и горькими травами.

Тисия провела рукой по ткацкому станку, покрытому пыльной паутиной. Если бы мама была жива, то к началу весны они наткали бы несколько рулонов пеньковой ткани, а отец подготовил бы мотыги для огорода и участка на рисовой плантации. Теперь же всё по-другому, и уже никогда не будет, как прежде.

Отчаяние открыло свои объятия. Тисия опустилась на колени и заплакала. Всё вокруг казалось ничтожным и бессмысленным, кроме мести. Ею она питалась последние месяцы. Вот причина, по которой она до сих пор дышала.

Невыносимо сильно захотелось приложиться к орнаментам, но сейчас было время не для этого. Тисия тщательно заплела волосы в пучок и скрепила их гребнем, набросила на плечи материнскую хаори и решительно вышла во двор. В небольшой пристройке, где некогда обитали куры, среди рабочего инструмента она отыскала нож с широким и острым лезвием и спрятала его в карман. Охота началась! Однажды наступит удачный момент, когда Цикада окажется в уязвимом положении, без личной охраны, и тогда Тисия набросится на мерзавца и вспорет ему живот.

Две недели Тисия тенью передвигалась по оживлённым улицам и наблюдала за старейшиной. Много времени он проводил в своей усадьбе с господским домом, крытым бам-

буковой черепицей, множеством хозяйственных пристроек и изгородью из можжевельных кустов. По периметру двора всегда вышагивал суровый на вид юноша с катаной в ножах и носилась расторопная прислуга. Частенько Цикада заходил в небольшой деревянный домик с наглухо забитыми окнами и находился там в одиночестве достаточно долго. Когда же уходил, то закрывал дверь, проворачивая ключ во врезном замке. Сидя на кряжистом дубе, что рос через дорожку от усадьбы, Тисия обратила внимание, что больше ни одно здание не запиралось на замок. Да и зачем? Везде были слуги и личная охрана. Что же старейшина так тщательно там скрывал?

Случалось, Цикада посещал чайный домик на рыночной площади. Однажды он вошёл туда один, а сопровождающий его Удзицума Рёма остался снаружи. Поначалу он курил трубку и следил за дверью домика, но вскоре отвлёкся и отошёл в сторону. Вот она – возможность приблизиться к старейшине. Тисия обрадовалась, но её отвлекли возникшие из ниоткуда братья-близнецы.

– Соседушка, луна моя нежная, где ты пропадаешь? – воскликнул Ёшики, с неподдельной тревогой разглядывая Тисию. Выглядела она неважно: глаза запали, лицо осунулось, а между бровями легла тревожная морщина. – Дверь не открываешь. Двор порос бурьяном. Если нужна помощь, ты только скажи.

– Спасибо. Я... Всё хорошо. – Тисия поклонилась и выда-

вила кривую улыбку. Она заглянула за плечо Ёшики и заметила, что Удзицума вернулся на свой пост. Момент был упущен. Шинсу поймал её взгляд и мучительно простонал. Он схватил Тисию за запястье и под возмущённое оханье брата потащил её за собой подальше от площади.

– Иди домой, – понукал Шинсу. – Не знаю, что ты там задумала, но брось эти глупости! Тебе следует выспаться и поесть.

– Я же сказала, что у меня всё хорошо! – с трудом сдерживала раздражение Тисия. А ведь сегодня всё могло уже закончиться! Зачем они только появились?

– Что всё это значит? – Ёшики пока добежал на своих коротких ножках, успел запыхаться.

Шинсу склонился к Тисии и прошептал:

– Тебе с ним не справиться. Он сильный и злой. Пора жить дальше. Слышишь?

Она не слышала. Развернулась и шаркающей походкой побрела на окраину города, где заросли кудзу захватили полуразрушенные дома. Выющиеся лианы плотно оплели здания и соединили их подвесными мостами. Неудивительно, что дети облюбовали это местечко для игр, в мрачных лабиринтах которого так легко было затеряться. Воробьиное Гнездо – так называли нежилую окраину Дандзё горожане. Видимо, из-за сотен воробьёв, которые ватагами собирались на этом месте и устраивали птичьи фестивали. Через заросли кудзу Тисия пробралась в крошечный домик и уснула прямо на де-

ревянном настиле. Здесь её точно не найдут вездесущие соседи.

Через несколько дней на рассвете Тисия пряталась в саду возле чайного домика – ожидала старейшину. Когда-то же он должен появиться, рассуждала она и нервно сжимала рукоять ножа. Сидела, прислонившись спиной к мшистому валуну, и вслушивалась в шаги горожан. Смотреть на лица не нужно было. За столько недель слежки тяжёлую поступь Цикады она различала на слух.

Наконец, он приехал верхом на лошади. Поднялся по ступеням и с шумом отодвинул раздвижную дверь. Удзицума остался у входа. Тисия почувствовала запах дымной травы, которую тот курил. *«Уйди. Всего на мгновение. Мне бы только пробраться внутрь»*, – мысленно умоляла Тисия Удзицума, но тот стоял не шелохнувшись и пыхтел бамбуковой трубкой.

Вскоре Цикада вышел наружу. Тисия выбралась из-за валуна, на четвереньках доползла до разросшихся кустов гортензии и раздвинула ветки. Старейшина был так близко, что она могла рассмотреть узор на его сапогах.

– Напой лошадей. У меня дела в Красильном переулке. Будь где-нибудь поблизости, – сказал Цикада и по узкой улочке пошагал прочь.

Вот она – ещё одна возможность! Тисия обогнула чайный домик и через задние дворы построек, которые плотно при-

легали друг к другу, направилась в Красильный переулок.

Широкие полотнища льняных и хлопковых тканей тревожными птицами трепетали на фоне голубого цвета. Вдруг взмахнут под порывом ветра крыльями, осенят улочку своим благословением и вновь успокоятся, нежась в море золотистого света. Где-то в отдалении перекрикивались люди, бренчала рабочая утварь. Тисия осторожно пробиралась между вывешенными для просушки отрезами. Вот ткани всех оттенков красного, значит, для покраски использовали корень растения марены. Запахло корицей – жди бежевые и коричневые цвета. То и дело пространство вокруг окутывали облака пара и становилось жарко, как в летний день.

Тисия услышала голос Цикады и вжалась в стену обветшавшей хибары. Перед ней колыхалось светло-зелёное полотнище из волокон крапивы, пронизанное солнечными лучами, – точно в лес попала. Теперь нужно подобраться ближе. Старейшина сильный, но оружием Тисии станет внезапность.

– Господин, а что говорит Нурихён-сама? – раздался незнакомый голос. Аккуратно, чтобы не выдать своё присутствие, Тисия крохотными шажочками догоняла обрывки фраз.

– Да он не в себе! – это уже Цикада заговорил. – Когда я на днях был у него в пещере, он даже не соизволил открыть глаза. Слышал меня или не слышал? Кто знает? А ведь я не последний человек...

Ветер подхватил слова и раскрошил их в дрожащем воздухе, смешав с бульканьем воды и глухим перекачиванием бочек.

– Господин, может, к Нурихёну-сама послать...

– Тише, Эгава, мы не произносим имён. Как люди говорят, что ветер услышал, то весь город знает? Я называю его Зу-ёк, и он нужен мне здесь. А Нурихён-сама... – Цикада пыхтел от раздражения. – Я просил его укрепить стены своим божественным могуществом. Поначалу всё было хорошо, и вот на днях опять поймали лазутчика. Хотел внутрь Дандзё попасть. Я уже молчу про всяких ёкаев: то Каппа, то рысь-оборотень, то ещё какая гадость.

– Сложно вам, господин. То внешние враги, то внутреннее, – услужливо залепетал незнакомец елейным голосом. – Спасибо богам, что после смерти Казуми Акано повстанцы разбежались.

Тисяя сдержала рвущийся наружу вопль. Казалось, что по едва зажившей ране вновь полоснули ножом. Она продвинулась ещё на пару шагов, осторожно, чтобы не опрокинуть деревянные сушилки. Из зелёного облака света перебралась в красный.

– Да-а-а... Как будто тишина. Чего им надо? Эгава, вот скажи мне? Чего не хватает? Солнце садится, солнце встаёт. После зимы следует весна. Земля даёт урожай. Живите! Нет. Выпусти их на свободу! Мерзкие твари! А кем буду я, если люди покинут город? Теперь я – закон и власть. Меня боятся

и беспрекословно выполняют любое поручение, а там, за стеной, – никто, пустое место. Да-а-а.. Где же этот Зуёк? Вечно приходится его ждать! Чем тут воняет? Тошнота подкатывает. А я ещё с утра пропустил стаканчик винца. Видимо, зря.

– Все мы не без греха! – засмеялся незнакомец.

– Эгава, рассчитывать на Нурихёна-сама я не могу. Доверяю только тебе и Зуёку. Вы должны достать яд. Возможно, он мне и не понадобится, но я больше не допущу волнений в народе. Я и так много раз я срывался на глазах всего города, избивал и даже... Проклятье!

– Господин, простите, но случай с Казуми Акано был огромной ошибкой. Дальше вам нужно действовать незаметно.

– Знаю! Но эта девчонка Камадо. Зверёныш! Набросилась на меня, вот я и не стерпел. Я звал её хозяйкой в свой дом. Всё честь по чести, а она снюхалась с гадким повстанцем.

Тисия подобралась так близко, что уже различала силуэты говорящих. Крепкий и плечистый – старейшина, второй – пониже и как будто сгорбленный. Старик? Но, возможно, это просто игра света. Они ждут кого-то, но этот третий может стать помехой, поэтому Тисия приготовила нож и уже собиралась вырваться из тканевых пут, но застыла, сражённая услышанным.

– Господин, массовое отравление, как в прошлом году, не должно повториться. Погибло много людей. Впредь нужно быть более осмотрительными, – сказал Эгава.

– Я планировал отравить только повстанцев, но всё вышло из-под контроля. Ну не повезло горожанам! Моя ошибка? Может, и моя. Но я просил у Нурёхина-сан помощи, чтобы всё прошло гладко и незаметно. И вот результат!

– Это тот старик-рыбак, родственник Акано, нарушил наши планы. Не вините себя!

Цикада гневно зарычал:

– Он должен был отнести отравленную жареную рыбу повстанцам. У них как раз намечалось собрание. А рыбак по пути стал распродавать всем подряд. Рыбы было много. Её ели семьями.

– С тех пор минуло чуть больше года. Люди уверены, что это лазутчики из внешнего мира принесли болезнь, так что не беспокойтесь. Если Зуёк не достанет яд, то у вас всегда есть тайное оружие. Никто не покинет город, господин.

Тисяя едва держалась на ногах. В голове болезненными вспышками пульсировали слова: «*Ну не повезло горожанам! Не повезло... горожанам*». Что?! НЕ ПОВЕЗЛО?! Нож выскользнул из рук и с лёгким стуком упал на земляной пол. Она наклонилась за ним, подхватила, но покачнулась, наступив на край полотнища, и запуталась.

– Кто тут? – встревожился Цикада.

– Возможно, просто ветер, но стоит проверить, – поморщился Эгава.

Тисяя побежала со всех ног. Она ныряла в мягкие тканевые тоннели, блуждала в узких проходах между много-

численными сарайчиками с бочками, чанами и давальными прессами. За спиной гроыхали тяжёлые шаги – Цикада и Эгава приближались. Время от времени старейшина обращался к красильщикам, но те, видимо были очень далеко, поэтому приходилось кричать:

– Тут кто-то пробегал?!

Приглушённые голоса отвечали:

– Никого не видели, господин!

Внезапно Тисию схватили за талию и затолкнули в полуосвещённое помещение, пропитанное пылью и сыростью. Она успела только коротко ахнуть, как её рот накрыла ладонь. Кто-то прижал Тисию к стене, задрал подол косодэ и пристроился сзади. Она стала извиваться, пыталась освободиться, чтобы воспользоваться ножом, но вдруг незнакомец горячо зашептал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.